

УДК 94(5-191.2)

**О ЗАПРЕТЕ ХАДЖА В ЦАРСКОЙ РОССИИ:
ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)**

Вл.П. Литвинов

Рассматривается проблема запрета хаджа – паломничества мусульман Центральной Азии в период царистского господства в регионе. Автор доказывает, что такой запрет был оправданным и носил временный характер.

Ключевые слова: хадж; мусульмане; Центральная Азия; Мекка; эпидемии.

**ABOUT INTERDICTION OF HAJJ IN TSARIST RUSSIA:
THE TRUTH AND FICTIONS (ON THE EXAMPLE OF CENTRAL ASIA)**

Vi.P. Litvinov

The article regards the problem of interdiction of hajj – pilgrimage of Central Asian Moslems – during the tsarist domination in the region. The author proves that such an interdiction was reasonable and temporal.

Keywords: hajj; Moslems; Central Asia; Mecca; epidemics.

По нашему глубокому убеждению, распад СССР был объективным и оправданным историческим процессом, и потому вряд ли есть основания возлагать вину за это на те или иные персоналии. Вместе с тем он породил в новых независимых и суверенных государствах, возникших на руинах Советского Союза, множество фальсификаций, инсинуаций, вымыслов и т. п., далеких от объективности и правды. В ограниченных рамках статьи не представляется возможным дать им развернутую характеристику, скажем лишь, что, выполняя заказ своих властей, псевдоисторики постсоветских стран (Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Украины и др.) старались очернить все, что произошло на их территории до 1990-х гг. Среди специалистов из молодых независимых и суверенных государств Центральной Азии – бывших союзных республик Союза ССР тоже есть немало тех, кто всячески поносит царское и советское прошлое. Они пытаются доказать, что как в царистский, так и советский период народы Средней Азии и Казахстана изнывали под гнетом “российского колониализма”, фактически полностью игнорируя весь тот позитив, который был привнесен им в регион, особенно в советский период.

Естественно, что и проблема хаджа – паломничества мусульман Центральной Азии в доре-

волюционный период искажается апологетами национализма. Более всего поднаторели на этом поприще казахстанские “историки”. Некто Г. Байназарова пишет о том, что со стороны России “попыткой полного (! – *В.Л.*) уничтожения казахского народа являлись геноцид (! – *В.Л.*), голод, репрессии с XVIII по XX век” [1, с. 69]. Понятно, что при всем этом она даже и не упоминала о возможности хаджа в Мекку и Медину казахов – он представлялся ей (по понятным причинам) невозможным. “Видный” казахский специалист Н.Д. Нуртазина, утверждая о запрете хаджа мусульман в Мекку, указывает, что истинными “народными просветителями” казахов в исламе были... ишаны” [2, с. 11–12]. Автор учебника “История Казахстана” Ж.О. Артыкбаев считает, что и царская, и советская Россия одинаково все запрещали казахам, в том числе исповедание ислама и паломничество – хадж в Мекку, что они неизменно страдали от жестокого и бесчеловечного “русского колониализма” [3, с. 179, 181, 195, 205 и др.]. В учебнике для вузов Казахстана “историки” Аманжол Кузембай и Эркин Эбил уже во введении уверяют студентов в том, что в годы “русского колониализма” у казахов “были отняты не только свобода, земля, природные богатства, уникальные памятники, но и историческая память (! – *В.Л.*)” [4, с. 3]. Приме-

ров тому вышеуказанные “историки-борзописцы” навывдумывали немало в своем “учебнике”, но мы не станем тратить время на их критику. Обратимся к нашей теме. А. Кузембай и Э. Эбил также пишут о том, что “русский колониализм” запрещал казахам исповедовать мусульманскую религию, жестоко притеснял тех, кто осмеливался верить в Аллаха, особенно “мулл” (священников), что о хадже казахи не имели права даже заикнуться [4, с. 247]. Любопытно мнение о хадже казахской специалистки С.А. Асановой, которая, с одной стороны, заявляет о том, что мусульманам “запрещалось паломничество в Туркестан” (видимо, к мавзолю Ясса-ви. – В.Л.), а с другой, пишет о том, что в 1910 г. в одном только Омске было выдано 500 “специальных разрешений на паломничество в Мекку” [5, с. 77]. Безусловно, ряд фальсификаций такого рода можно продолжить, однако для понимания этого достаточно и приведенных примеров.

Разумеется, среди историков в странах Центральной Азии есть много и объективных специалистов. Например, в современном Кыргызстане высокопрофессиональные историки (академики А.А. Джунушалиев, В.М. Плоских, профессора В.А. Воропаева, Е. Озмитель, А.Л. Салиев и др.) достаточно твердо и последовательно отстаивают истину в данном вопросе. Немало таких специалистов в Таджикистане, территория которого, правда, до революции входила, в основном, в состав Бухарского ханства (эмирата). Есть они и в Узбекистане. Так, ташкентский историк Ю.С. Флыгин признает факт запрещения царскими властями хаджа мусульман Центральной Азии, но достаточно объективно объясняет его причины. Он указывает, что “хадж ограничивался также во время войн России с Турцией. Известно, что в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Турция использовала паломников для нагнетания антироссийских настроений”. Не упустила и Англия представившуюся возможность “повлиять на [хаджиев] в смысле благопристойном для британской политики и враждебном России” [6, с. 33]. Он отмечает, что “еще одним поводом для запрещения хаджа были эпидемии холеры. В XIX в. Мекка для Европы была, пожалуй, основным источником этой ужасной болезни. Опустошительные холерные эпидемии 1831 и 1865 гг. были привнесены в Европу из Мекки. После последней в Константинополе в 1866 г. была созвана международная санитарная конференция, в которой участвовали все европейские страны, включая Россию и Турцию. Было принято совместное решение – на время эпидемий запрещать морское сообщение с арабскими и египетскими портами” [6, с. 33–34]. Ю.С. Флыгин справедливо обращает внимание на то, что “запреты на совершение

хаджа по причине войн, политической нестабильности, эпидемий неоднократно принимали в XIX, XX, начале XXI в. правительства различных стран, в том числе мусульманских <...> Определенные ограничения в данном вопросе по медицинским соображениям в самое последнее время принимались властями среднеазиатских государств” [6, с. 34].

Ташкентский историк указывает на очень важную проблему – эпидемическую. Запрещение хаджа мусульман Центральной Азии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. можно, конечно, причислить к политическим причинам, однако не следует забывать, что оно было естественным, так как Хиджаз (Мекка и Медина) находился на территории противника – Османской империи. Смешно, например, представить себе, чтобы в годы войны католикам СССР разрешили паломничество в Ватикан, который формально в ней не участвовал. Это первое. Второе: в 1877 г. хадж российских мусульман был запрещен также из-за того, что в Хиджазе (Мекка и Медина) и в соседних с ним местностях появилась реальная эпидемическая опасность, что подтверждается архивными документами [7]. А вот эпидемическая проблема была действительно важнейшим фактором запрета хаджа мусульман не только Туркестана, но и всей России. Флыгин неправ в одном – он сводит весь вопрос к распространению холеры. Бесспорно, ее эпидемии были препятствием для совершения хаджа. Но почему только холеры? Нам доподлинно известно о том, что кроме холеры на Ближнем Востоке вообще, а в Хиджазе в частности, нередко свирепствовали также эпидемии чумы, оспы, тифа и проч. Так что узбекистанский историк своими суждениями о холере как причине запрета хаджа мусульман Центральной Азии не открывает нам ничего нового. Мы писали об этом еще в 2006 г. в одной из монографий, выделив в ней специальный “медицинский” раздел [8, с. 245–270], и он был достаточно пространен – в полтора печатных листа. В последующем мы собрали дополнительный материал по этой проблеме, что вполне может позволить нам выступить со специальной книжкой на эту тему. Но это дело будущего, а пока мы можем свидетельствовать о том, что власти еще со времен Древнерусского государства вели ожесточенную борьбу с эпидемиями, применяя запреты любого передвижения людей с целью предотвращения их распространения. В эпоху Золотой Орды единственным, в чем абсолютно и полностью совпадали интересы ее правителей с вассальными, но “самовольными” русскими князьями, была борьба с распространением эпидемий, выкашивавших десятки и сотни тысяч жизней. И после свержения “татарского” ига

такая борьба не затихла – достаточно почитать русские летописи и документы того времени [9].

Эпидемии привносились как с Запада, так и с Востока. Во времена Смуты ослабленные от голодных лет начала XVII в. люди массово вымирали от эпидемий, с которыми было некогда и некому бороться. С воцарением Романовых нашествие эпидемий не уменьшилось, но борьба с ними стала уже более организованной и централизованной. Принимались жесткие нормативно-правовые акты по борьбе с “заразительными” и “прилипчивыми”, как тогда говорили, заболеваниями. Только в допетровский период их было принято не менее десятка [10]. На основании их повсеместно выставлялись карантинные посты, караулы, запрещался выезд за пределы зараженных местностей и т. п. Людей окуривали дымящимся можжевельником. При Петре I число указанных актов только увеличилось. Особое внимание уделялось организации “карантинных” служб в портах и на сухопутных таможах. Преемники царя-реформатора твердо продолжали линию на преодоление эпидемических заболеваний. Так, например, только по “моровой язве” (чуме) 1771–1772 гг. в Москве и окрестных местностях было принято 49 нормативно-правовых документов [11].

К началу XIX в. “карантинных” актов накопилось несколько сотен. Поэтому 21 августа 1818 г. император Александр I утвердил “Устав о карантинах”, сублимировавший весь накопленный опыт по рассматриваемому поводу [12, с. 474–517]. Основные положения этого закона действовали и после присоединения Средней Азии к России, распространяясь, понятно, и на ее территории (кроме Бухарского и Хивинского ханств). В связи с этим считаем нужным подчеркнуть, что в царской России самое жестокое наказание (смертная казнь) предполагалось именно по “карантинным” преступлениям. Можно было отделаться каторгой за убийство, за разбой и грабеж, даже за восстание против власти, но за обман в отсутствие “заразительных” болезней (§ 230 “Устава о карантинах”) полагалась смертная казнь. Она же применялась за подделку документов о прохождении карантина (§ 231), за самовольную отлучку из карантина (§ 232), за насильственное сопротивление “карантинным начальствам” (§ 233), за попытку сбежать из карантина (§ 234). Даже невинная передача из карантина какой-либо вещи тоже каралась, по § 235 Устава, смертной казнью. Она же предусматривалась за тайный провоз (вне карантина) товаров в портах и на сухопутных таможах (§ 237). На наш взгляд, такие меры были оправданы, поскольку они предотвращали распространение эпидемий и спасали жизнь многих тысяч людей.

Имело ли все вышеизложенное какое-либо отношение к паломничеству? Безусловно. Нам приходилось писать о том, что среди русского православного населения весьма популярным было паломничество к “святым местам” [13, с. 70–77]. Кроме того, мы отмечали, что российские мусульмане – татары, башкиры, азербайджанцы и прочие – тоже часто совершали зиярат [14]. Соответственно, они также попадали под действие карантинных установлений [13, 77–83]. И с таким правовым “багажом” Российская империя пришла в Туркестан (Среднюю Азию).

Сегодня даже самые “ретивые” (в части русофобии) историки из стран Центральной Азии вряд ли станут доказывать, что до прихода в регион России здесь не было никаких эпидемий и лишь она их привнесла. Это было бы и глупо, и смешно. Об эпидемиях в Туркестане в дороссийский период можно прочитать и в источниках, и в трудах самих среднеазиатских авторов, и в учебниках для школ и вузов. Более того, сам приход России в регион не мог сразу преломить эпидемические ситуации. Безусловно, российские власти старались наладить противоэпидемические службы, но, во-первых, эффект от их деятельности проявлялся постепенно, а во-вторых, местное мусульманство сопротивлялось антиэпидемическим мерам администрации. С большим трудом шел процесс оспопрививания.

Во время эпидемий царские власти Туркестана запрещали скопление людей, их произвольные передвижения, проводили санитарно-гигиенические мероприятия, в том числе при похоронах. Это вызывало протест мусульман, находившихся под влиянием в большинстве своем косного и невежественного исламского духовенства. Так, например, летом 1892 г. вспыхнул известный “холерный бунт” в Ташкенте. Примечательно, что наиболее передовая часть мусульманского “клира” выступила в поддержку мер русских властей, понимая их гуманистический смысл в деле спасения людей от холеры. Нам приходилось писать о том, что позже это поняли и сами мусульмане, в связи с чем в регионе в последующем уже не было крупных “эпидемических” выступлений [8, с. 255].

А эпидемическая ситуация в Центральной Азии продолжала оставаться сложной и при царской власти. Об этом писали местные газеты – “Туркестанские ведомости”, “Туркестанская туземная газета”, “Туркестанский курьер”, “Закаспийское обозрение” и др. Однако для того, чтобы в данном вопросе нас не упрекнули в опоре на мнение русскоязычной (проправительственной) прессы, мы сошлемся на весьма популярную в России мусульманскую газету “Терджиман”, которую издавал небезызвестный И. Гаспринский и которую

вряд ли кто осмелится отнести к разряду “проправительственных”. Эта газета часто писала о “Русском Туркестане” и среднеазиатских ханствах, в том числе по эпидемическим проблемам.

Любопытно, что сравнивая эпидемические ситуации в Туркестанском крае и в ханствах, газета вставала на сторону русских властей Центральной Азии. Так, например, сам И. Гаспринский писал 31 июля 1889 г. в газете “Терджиман” (№ 28) о том, что холера в Бухаре “свирепа” – за три дня умерли 702 местных жителя, тогда как русские жители и рабочие-железнодорожники не пострадали, так как среди них медики провели профилактические меры [15, с. 64]. К холере в Бухаре в 1889 г. одновременно добавилась и эпидемия малярии, унесшая за летние месяцы 7 тыс. жизней. “Терджиман” писал 8 сентября 1889 г. (№ 32) о том, что “русские в Бухаре не заболели, так как среди них были проведены санитарно-гигиенические меры” [15, с. 64]. Немало смертей было в то время среди паломников к гробнице Накшбанда – одному из главных “святых мест” Туркестана. Судя по сообщениям газеты (в 1883–1917 гг.), холера вообще была самым частым “гостем” в регионе. Примечательно, что в вопросе о “холерном бунте” в Ташкенте 1892 г. И. Гаспринский тоже вставал на сторону русских властей в Средней Азии. Он указывал в газете от 21 августа 1892 г. (№ 31) на то, что с 7 июня по 2 августа в Ташкенте из 396 холерных русских умерли 209 человек, тогда как из 1344 мусульман – 1325 человек. “Удивительно, половина заболевших русских выздоровела, а мусульмане почти все заболевшие умерли; значит, мы сами должны заботиться о своем здоровье” [15, с. 77].

На протяжении всех лет издания мусульманская газета приветствовала антиэпидемические меры русских властей в Туркестане: выставление караулов и “карантинов” на границах с Афганистаном, Западным Китаем (Восточным Туркестаном) и Персией, бесплатную раздачу лекарств “туземному” населению, организацию фельдшерских пунктов в городах, кишлаках и аилах, распространение листовок об опасности эпидемических заболеваний и т. п. Например, 15 апреля 1899 г. газета “Терджиман” (№ 14) хвалила русских врачей из комиссии по борьбе с малярией, которые посетили в Самарканде медресе “Шир-дор” и показали 300 муллабачам (студентам. – *В.Л.*) через микроскоп вирус малярии [15, с. 114]. Признавая невежество ханских властей, “Терджиман” писала в ноябре 1903 г. о том, что в Хивинском ханстве свирепствует холера, от которой уже умерло 8 тыс. человек. Газета задавала вопрос: “От холеры можно делать вакцинацию или этот способ не известен в Хиве?” [15, с. 143]. Примеров такого рода

из газеты “Терджиман” можно было бы привести намного больше, но, думается, и вышеизложенных достаточно для того, чтобы представить себе сложность эпидемической ситуации в Центральной Азии последней трети XIX – начала XX вв.

Разумеется, может возникнуть вопрос: а какое отношение все вышеприведенное имеет к теме нашего исследования. Самое прямое. Во время эпидемий вступали в силу все запретительные меры “Карантинного устава”, в частности, немедленно прекращалось всякое передвижение и перемещение людей, в том числе, конечно, и паломническое. Безусловно, историки-националисты из стран современной Центральной Азии могут возопить: да русские всегда и все запрещали! Но мы успокоим их, сославшись опять-таки на авторитетное мусульманское издание. Та же газета “Терджиман” писала 11 марта 1897 г. (№ 10) о том, что “туркестанский генерал-губернатор (Вревский. – *В.Л.*), после переговоров с бухарским эмиром и хивинским ханом, запретил совершать паломничество к «святым местам», расположенным на территории Русского Туркестана и ханств, из-за распространения холеры в этих государствах” [15, с. 103] (курсив наш. – *В.Л.*). Кстати, если говорить о “местном” (региональном) паломничестве в Туркестане, то так было всегда: перед объявлением запрета зиярата в крае туркестанские генерал-губернаторы, начиная с К.П. Кауфмана и кончая А.Н. Куропаткиным, неизменно предварительно обговаривали этот вопрос с бухарскими эмирами и хивинскими ханами. Совершенно естественно, что при объявлении запретов на “местное” паломничество не могли сдвинуться с места и те, кто решился на большое и каноническое мусульманское паломничество – хадж в Мекку. Конечно, случаи самовольного ухода в хадж во время таких запретов имели место, но они сурово пресекались и наказывались. Русские власти Туркестана считали неуманным содействовать выносу эпидемической опасности в соседние страны, в каких бы отношениях с ними империя не состояла.

Вообще, совершение хаджа мусульманами Центральной Азии в рассматриваемый период осложнялось многими обстоятельствами, к части которых русские власти региона не имели прямого отношения. Нередко люди, намерившиеся совершить паломничество в Мекку, не могли отправиться к месту назначения даже в том случае, когда эпидемическая ситуация в самом Туркестане была абсолютно безопасной. Почему? Потому что в таких случаях действовали постановления Высшего Международного Санитарного совета (ВМСС) в Стамбуле, в который входили представители Турции, Великобритании, Франции, Рос-

сии и др. Он был образован специально для того, чтобы отслеживать эпидемическую ситуацию на Ближнем Востоке, с тем чтобы держать под контролем и регулировать паломничество мусульман в Мекку. Так, например, в 1881 г. ВМСС направил всем странам сообщение о появлении эпидемии чумы в Месопотамии. Соответственно, Медицинский департамент и Департамент полиции МВД направили повсеместно предписания о запрете выдачи загранпаспортов паломникам-мусульманам, причем не только для посещения Мекки, но и шиитских святынь в Ираке. Ситуация повторилась в 1884 г., и указанные государственные органы вновь приняли соответствующие меры [16]. Кстати, было бы неверным не указать при этом на то, что все нормативно-правовые акты такого рода касались не только мусульман, но и всех российских христиан (прежде всего православных), желавших совершить паломничество на Святую землю вообще и в Иерусалим – в частности. Таким образом, запреты, как правило, носили не антимусульманский, а всеобщий характер. Вот об этом кое-кому не стоило бы забывать.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что хадж – паломничество мусульман Центральной Азии в Мекку (а равно и их зиярат) в дореволюционный период никогда не запрещался произвольно и субъективистски, без достаточных объективных причин. И главными из них были обстоятельства эпидемического свойства. Запрещая хадж, русские власти в Туркестане, во-первых, заботились о сохранении жизни людей из местного мусульманского населения, а во-вторых, они должны были (в силу международно-правовых обязательств) следовать соответствующим установлениям и предписаниям Высшего международного санитарного совета в Стамбуле.

Литература и примечания

1. *Байназарова Г.* Священная тюркская страна / Г. Байназарова. Алматы, 1994.
2. *Нуртазина Н.Д.* Казахстан и Средняя Азия: тенденции развития духовной общности на рубеже XIX–XX вв. / Н.Д. Нуртазина. Алматы, 1993.
3. *Артыкбаев Ж.О.* История Казахстана / Ж.О. Артыкбаев. Астана, 1999.
4. История Республики Казахстан: учебник для вузов. Астана, 1999.
5. *Асанова С.А.* Ислам в духовной жизни Казахстана начала века / С.А. Асанова // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994.
6. *Флыгин Ю.С.* Власть и ислам в Туркестане: К вопросу о конфессиональной политике в Туркестанском крае (1867–1917) / Ю.С. Флыгин // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова: сб. мат.-лов. Ташкент. 27 ноября 2008 г. Ташкент, 2010.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 484 – О прекращении увольнений мусульман в Мекку из Туркестанского края. Л. 1–4.
8. См.: *Литвинов В.П.* Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха нового времени) / В.П. Литвинов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
9. См. напр.: *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*. М., 1969; *Древняя русская литература: хрестоматия*. М.: Просвещение, 1980.
10. См.: Полное собрание законов Российской империи – 1 (далее ПСЗРИ-1). СПб., 1830. № 2, 168, 184, 187, 188, 209, 826, 858 и др.
11. См.: ПСЗРИ-1. Т. 19. СПб., 1830. № 13642, 13644, 13650, 13653, 13657, 13658, 13660, 13662 и др.
12. См.: ПСЗРИ-1. Т. 35. СПб., 1830. № 27490.
13. См.: *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени) / В.П. Литвинов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
14. Зиярат – не признаваемое каноническим исламом, но популярное среди российских мусульман паломничество к могилам местных “святых”.
15. См.: *Абдирашидов З.* Аннотированная библиография туркестанских материалов в газете “Таржуман” (1883–1917) / З. Абдирашидов. Токио, 2011.
16. Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГА Тур.). Ф. 97. Оп. 1. Д. 199 – О приостановлении выдачи паспортов в Мекку и Иерусалим по причине холеры в Мекке. Л. 5.